

российского освободительного движения. Г. В. Плеханов пользовался личной библиотекой Ф. Энгельса, много работал в Британском музее и приступил к завершению своей знаменитой книги «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».

Ф. Энгельс, например, рассказывал Г. В. Плеханову, что жизнь и теоретическая деятельность русского революционного демократа Н. Г. Чернышевского всегда интересовала К. Маркса и он намеревался опубликовать биографию этого великого критика. «Мне хотелось бы напечатать что-нибудь о жизни, личности и т. д. Чернышевского, чтобы вызвать к нему симпатию на Западе», — писал К. Маркс⁸¹. Однако из-за отсутствия необходимых материалов этот замысел К. Марксу осуществить не удалось.

Смерть Н. Г. Чернышевского (17 октября 1889 г.) возбудила интерес к этой выдающейся личности в России и за границей. Г. В. Плеханов в газете К. Каутского «Neue Zeit» поместил перевод своей статьи о Н. Г. Чернышевском. Таким образом, именно от Г. В. Плеханова Европа узнала о борьбе Н. Г. Чернышевского против царизма, о его философской позиции и литературных взглядах. Ф. Энгельс статью Г. В. Плеханова о Н. Г. Чернышевском ждал с особым нетерпением и позднее оценил ее также высоко⁸².

IV. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Г. В. ПЛЕХАНОВА ЗА ГРАНИЦЕЙ (1895—1900)

АВТОРИТЕТ Г. В. Плеханова как философа-материалиста чрезвычайно возрастает после опубликования книги «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» в Петербурге в 1895 г. на русском языке⁸³.

Под псевдонимом Н. Бельтов Георгий Валентинович напрочь опрокинул взгляды либерального народника Н. К. Михайловского, пытавшегося дискредитировать марксизм применительно к российской действительности.

Во взглядах на исторический процесс народники, как известно, переоценивали роль «героев», «критически мыслящих личностей». Г. В. Плеханов же раскрыл взаимодействия личностей и народа.

Но и это далеко не все. С позиций революционно-

критического, диалектико-материалистического метода автор дал оценку домарксовской философии, в частности, проанализировал взгляды французских материалистов XVIII в. Гольбаха, Гельвеция; французских историков времен реставрации О. Тьери, Ф. Гизо, Ф. Минье, великих утопистов А. К. Сен-Симона, Ш. Фурье, Р. Оуэна.

Диапазон знаний выдающегося российского теоретика был настолько широк, что в произведении о монистическом (т. е. о материалистическом) взгляде на историю автор дает принципиальную оценку взглядов немецких философов И. Канта и Г. Гегеля, немецких ревизионистов Э. Бернштейна, К. Шмидта, российского «легального марксиста» П. Б. Струве и анархистов.

Одним словом, в «Монизме...» после К. Маркса и Ф. Энгельса Г. В. Плеханов сделал первую попытку дать системный анализ всемирной истории, философии, социологии.

Неизгладимое впечатление труд Г. В. Плеханова произвел на российских революционеров. Дело в том, что царские цензоры сначала не уяснили, что подразумевается под словом «монистический взгляд на историю» и кто такой Н. Бельтов. В их картотеке такая «запретная» фигура не значилась.

Даже Н. А. Семашко, племянник Г. В. Плеханова, как и многие другие русские социал-демократы, долгое время не знал, кто такой «Н. Бельтов». Но, познакомившись в тюрьме с книгой своего дяди, Николай Александрович писал: «Я впился в чтение... отрываясь только для еды, в один день прочитал ее от доски до доски, а в следующие дни перечитывал еще раз особенно важные места»⁸⁴.

И. Х. Лалаянц, видному революционеру, в петербургскую тюрьму «Кресты» книгу Н. Бельтова принес молодой революционер В. И. Ульянов. «Это блестящее полемическое произведение, — отмечал И. Лалаянц, — как кипятком ошпарило всех торжествующих на вольном просторе легальной печати народников во главе с их «властителем дум» Н. К. Михайловским. На меня... этот «Бельтов» произвел впечатление разорвавшейся бомбы среди полной тюремной тишины»⁸⁵.

Когда же полицейские и жандармы стали часто находить книгу Н. Бельтова при арестах и обысках в тюрьмах, цензура сочла книгу вредной для чтения и запретила ее переиздание. «Названное сочинение Бельто-

ва, вышедшее пока первым изданием, быстро раскупается и в настоящее время весьма распространено среди читающей молодежи...»⁸⁶. 3 января 1898 г. последовало еще одно указание царских властей о запрете книги Г. В. Плеханова и об изъятии ее из библиотек России.

Любопытный факт привел В. Бонч-Бруевич, очень долго сотрудничавший с Г. В. Плехановым. Приехав в Швейцарию, он рассказал Георгию Валентиновичу о том, что наделал Бельтов по всей России. «Георгий Валентинович слушал и не проронил ни одного слова, и ни один мускул не дрогнул в его лице. Он долгое время тщательно скрывал, что Бельтов это — он, так как боялся конфискации книжки»⁸⁷.

Авторитет Г. В. Плеханова, как видного теоретика марксизма, неизмеримо возрос среди общественных деятелей после знакомства именно с этим трудом⁸⁸.

На рубеже XIX и XX столетий работы Г. В. Плеханова печатаются на русском, немецком, французском, английском, итальянском, болгарском, венгерском, польском, румынском языках.

Оценивая талант Г. В. Плеханова, Ф. Энгельс как-то сказал В. И. Засулич: «Я знаю двух только человек, которые поняли и овладели марксизмом, эти двое: Мering и Плеханов»⁸⁹.

Благодаря хлопотам швейцарских социалистов, с 1895 г. Г. В. Плеханов получает разрешение на временное проживание в Женеве, где оставалась его семья. После издания брошюры «Анархизм и социализм» и книги «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», материальное положение семьи Плехановых, как говорят, «изменилось в лучшую сторону». За изданную в России книгу Г. В. Плеханову выплатили около тысячи рублей.

Продолжая упорно работать, Г. В. Плеханов часто выступал с блестящими лекциями перед молодыми эмигрантами, как тогда говорили, с «рефератами». Неотразимое впечатление он произвел на А. В. Луначарского: «Это был скорее худой, стройный мужчина в безукоризненном сюртуке, с красивым лицом, которому особую прелесть придавали блестящие глаза и большое своеобразие — густые, косматые брови...» И далее: «Плеханов был совершенно несравнимым собеседником по блеску остроумия, по богатству знаний, по легкости, с которой

он умел мобилизовывать для любой беседы огромное количество духовных сил»⁹⁰.

Лекции «рефераты» проводились в Женеве, Марне и снова в Женеве, Берне, Цюрихе. На лекции рвались молодые люди, тянувшиеся к социал-демократам. Присутствовали на лекциях и противники революционных взглядов, народники и катедер-социалисты.

Георгий Валентинович был блестящим оратором. На лекциях часто разгорались дискуссии. Дело доходило до того, что во время острейшей полемики с эмигрантами-народниками Плеханова охраняли его друзья-болгары во главе с Раковским, которого Георгий Валентинович «особенно выделял и особенно любил как талантливое, образованное, молодое революционер...»⁹¹.

Очевидцы, побывавшие на лекциях Г. В. Плеханова, единодушно отмечали его умение точно использовать свои обширные знания, глубоко анализировать излагаемые события. Он обладал прекрасными ораторскими данными, несмотря на свой слабый голос.

О. В. Аптекман, в прошлом народник, нарисовал такую картину: «Вошел Плеханов. Окинул всех острым взглядом и вмешался в спор... заговорил горячо, не полемизируя, разбивал он безжалостно одно за другим мои положения... Тут было все: глубина мысли, критика, стройная логическая последовательность и обширный фактический материал из истории мысли и истории революционных движений... Какими жалкими казались сторонники народнической идеологии! Плеханов не только трибун, но мыслитель, философ, не только партийный человек, но и ученый в европейском смысле слова...»⁹².

Или, выступая с лекцией о причинах голода в России, как вспоминала Людмила Исаковна Аксельрод (Ортодокс), Г. В. Плеханов «нарисовал полную и страшную картину голода, объясняя причину народного бедствия историческими условиями русского бытия и в частности государственной системой самодержавия. И «холодный» марксист Плеханов... довел некоторых слушателей до слез...» В другой лекции он «говорил об общих задачах русской социал-демократии. Как всегда, зал был битком набит... присутствующие слушали лектора с напряженным вниманием»⁹³. И поэтому не случайно, как писал В. Бонч-Бруевич, «эти выступления

Георгия Валентиновича выходили из рамок местной аудитории и превращались в большое политическое событие не только среди русских социалистов всех направлений, но и переходили грани русских европейских колоний»⁹⁴.

Восторженные отзывы о Г. В. Плеханове — лекторе, полемисте, эрудите поступали от множества лиц, самых разных политических направлений не только в период с 1880 по 1890 гг. но и в последующие годы и десятилетия.

Труды Г. В. Плеханова доходили до молодых революционных социал-демократов, ведущих борьбу с самодержавием в России. Многие из них, познакомившись с творениями первого марксиста, сразу же встали на сторону руководителя группы «Освобождение труда».

Тот же И. Лалаянц, сотрудничая в казанском кружке Н. Е. Федосеева с В. И. Ульяновым, отмечал, что В. И. Ленин уже тогда, в 1892 г., был знаком с работами Г. В. Плеханова⁹⁵. Еще большую притягательную силу идей Г. В. Плеханова испытал на себе молодой В. И. Ульянов в Самарский и Петербургский периоды своей революционной деятельности. По приезде в Петербург в 1893 г., как вспоминала его сестра А. И. Ульянова-Елизарова, он «искал таких, которые знали твердо, как и он, что революция в России будет произведена рабочим классом или ее не будет вовсе (слова Плеханова)»⁹⁶.

В начале 90-х гг. устанавливается прочная связь русских социал-демократов с Г. В. Плехановым и его товарищами. На встречи с руководителем группы «Освобождение труда» за границу ездили А. Н. Потресов (1892), П. А. Красиков (1893). Поддерживали связь с группой Плеханова члены марксистских групп Д. Благоева, П. Точисского, М. Бруснева; социал-демократы из Тулы, Екатеринослава, Киева и других городов.

В. И. Ленин свою первую поездку за границу совершил легально с 25 апреля (7 мая) по 7 (19) сентября 1895 г. Заграничный паспорт ему выдали по мотиву продолжения лечения от воспаления легких. Поездка проходила через Австрию в Швейцарию. Встреча Владимира Ильича с Георгием Валентиновичем состоялась нелегально вблизи Цюриха⁹⁷.

По возвращении из Франции в Швейцарию Владимир Ильич снова встречался с Г. В. Плехановым и

А. Н. Потресовым в курортном пансионате Ормонт. Естественно, В. И. Ленин горел желанием основательно обменяться мнениями с первым теоретиком марксизма в России.

А. Н. Потресов рассказывал: «И я имел случай видеть и Ленина под непосредственным впечатлением от первой встречи его с Плехановым... Ленин с восторгом слушал в те дни мастерские рассказы Плеханова из революционного прошлого 70-х годов и, как это ни кажется странным теперь, робел перед теоретической высотой основоположника русского марксизма, когда тот в разговоре затрагивал соответствующие темы, то и Плеханов, со своей стороны, не без сочувствия смотрел на способного революционера-практика...»⁹⁸.

Для Г. В. Плеханова первые встречи с В. И. Лениным также не прошли бесследно. Он писал П. Б. Струве в Россию, что за время его длительной эмигрантской жизни первый раз увидел человека из России, удивительно совмещающего глубокую теоретическую подготовку с активным практицизмом, что этот человек призван сыграть крупную роль в революционном движении⁹⁹.

После ареста «декабристов», старых руководителей петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», в декабре 1895 г. связь между группой «Освобождение труда» и В. И. Лениным, находящимся в ссылке, поддерживалась через немецких социал-демократов. Организатором этой связи была А. И. Ульянова-Елизарова.

С особым интересом В. И. Ленин расспрашивал о нем своих товарищей, которые до ссылки встречались за рубежом с Г. В. Плехановым, следил за тем, какие работы он опубликовал и просил П. Б. Аксельрода и А. Н. Потресова присылать их к нему в Сибирь.

Среди ссыльных в Минусинском уезде часто происходили споры по философским, социально-экономическим и политическим вопросам. При этом революционеры ссылались не только на труды Маркса и Энгельса, но и на работы Плеханова. В. И. Ленин блестяще защищал философские взгляды Г. В. Плеханова в споре с весьма эрудированным Ф. В. Ленгником, который «представлял из себя человека в полном расцвете сил и способностей. Он любил математику, знал немецкую литературу, философию»¹⁰⁰.

Одним словом, Г. В. Плеханов своими трудами оказал колоссальное воздействие на формирование теоретических и политических взглядов молодого В. И. Ульянова. Н. К. Крупская отмечала: «Плеханов сыграл крупную роль в развитии Владимира Ильича, помог ему найти правильный революционный путь, и поэтому Плеханов был долгое время окружен для него ореолом, всякое самое незначительное расхождение с Плехановым он переносил крайне болезненно...»¹⁰¹.

Чтобы убедиться в том, что В. И. Ленин во многом учился у Г. В. Плеханова, достаточно сопоставить печатные работы В. И. Ленина периода с 1894 по 1904 с плехановскими трудами более раннего периода.

Г. В. Плеханов, в свою очередь, живо интересовался развитием классовой борьбы российского пролетариата. Узнав о так называемой «текстильной войне» питерских рабочих под руководством «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», состоявшейся в 1896 г., Г. В. Плеханов обратился с письмом к В. Либкнехту и П. Лафаргу о сборе средств для оказания помощи бастующим текстильщикам.

Позднее рабочие — члены «Союза борьбы» оказали материальную поддержку Г. В. Плеханову, выдав ему мандат для участия в Лондонском конгрессе II Интернационала, состоявшемся в июле — августе 1896 г. Г. В. Плеханов на конгрессе выступил с речью о рабочем движении в России.

5 августа 1895 г. в Лондоне скончался Фридрих Энгельс. Это траурное сообщение глубоко потрясло социал-демократов всего мира. После кончины великого теоретика и революционного борца против капитализма происходят существенные перемены в теоретической и политической деятельности многих рабочих и социал-демократических партий. Наиболее рельефно они проявились в немецкой социал-демократии, когда Э. Бернштейн, один из сподвижников Ф. Энгельса, выступил с рядом статей в печатном органе (журнале) К. Каутского «Neue Zeit». Под видом «уточнений» и поправок к марксизму он поставил под сомнение основу революционной теории. Эдуард Бернштейн, например, пытался доказать, что капитализм в конце XIX в. полностью изменил свою природу, что кризисы капитализма теперь не имеют общего характера, что антагонистические противоречия между рабочим классом и буржуазией сходят

на нет, что «многие выраженные Марксом и Энгельсом в Коммунистическом Манифесте взгляды не нашли подтверждения»¹⁰². Э. Бернштейн выдвинул формулу «Движение — все, конечная цель — ничто», которая в то время привлекла особое внимание социалистов, а в настоящих условиях переживает подлинный ренессанс.

Для уяснения позиции по данному вопросу можно лишь сослаться на утверждение основоположников марксизма о том, что коммунизм для них — не состояние, не идеал, а только «действительное движение, которое уничтожает теперешнее состояние»¹⁰³.

Еще Ф. Энгельс отмечал, что по своему принципу «коммунизм стоит выше вражды между буржуазией и пролетариатом; он признает лишь ее историческое значение для настоящего, но отрицает ее необходимость в будущем... Пока эта вражда существует, коммунизм рассматривает ожесточение пролетариата против своих работодателей как необходимость, как наиболее важный рычаг начинающего рабочего движения; но коммунизм идет дальше этого ожесточения, ибо он является делом не одних только рабочих, а всего человечества»¹⁰⁴.

В 60—80 гг. К. Маркс и Ф. Энгельс, усмотрев ряд изменений в капитализме того времени («капитализм открывает новые перспективы и новые надежды»)¹⁰⁵, в то же время никогда не отказывались от революционной сути своего учения.

Пока Э. Бернштейн «не принимался за свою «критику» Маркса... был полезным работником в социал-демократической литературе, — писал Г. В. Плеханов... Плохо пошла его работа именно с тех пор, когда его кольнул своим рогом бес критики». «...Он шел не вперед, а пятился назад», «возвращался к учениям буржуазных теоретиков»¹⁰⁶.

Г. В. Плеханов, пожалуй, первый в мировой социал-демократии начал открытую идейную борьбу с Э. Бернштейном и К. Шмидтом. В немецком журнале появились статьи Г. В. Плеханова «Бернштейн и материализм», «Конрад Шмидт против Карла Маркса и Фридриха Энгельса», «Материализм или капитализм» (1898—1899), «За что нам его благодарить» «Cant против Канта или Духовное завещание г. Бернштейна» (1901) и другие. Последняя, приведенная нами статья — пример принципиального подхода Г. В. Плеханова к ревизионизму. Уместно заметить меткое, пророческое замечание

Г. В. Плеханова о том, что «реакционные теории вообще непривлекательны; но они не опасны до тех пор, пока выступают под своим собственным знаменем. Вредной отравой, настоящим умственным ядом они становятся лишь тогда, когда начинают прикрываться революционным знаменем»¹⁰⁷.

Г. В. Плеханов призывал немецких социал-демократов исключить Э. Бернштейна из партии. «Говорят, как же исключить человека из партии за его взгляды? Это значило бы преследовать его за ересь». Люди, рассуждающие таким образом, — продолжал Г. В. Плеханов, — забывают, что свобода мнений должна дополняться свободой взаимного сближения и расхождения, и что эта последняя свобода не существует там, где тот или другой предрассудок заставляет идти вместе таких людей, которым лучше разойтись ввиду различия их взглядов»¹⁰⁸.

Критика Г. В. Плехановым ревизионизма Э. Бернштейна, К. Шмидта была поддержана П. Лафаргом, Ф. Мерингом, Р. Люксембург. Этот шаг Г. В. Плеханова высоко оценил В. И. Ленин. В письме В. И. Засулич (1900) приводятся такие слова В. И. Ленина: «...а я нарочно говорю им: (бернштейнцам. — Ф. К.) я не только ортодокс, я еще и плехановец»¹⁰⁹.

Другим событием в международной и, в особенности русской социал-демократии 90-х гг., явилось повальное увлечение «легальным марксизмом». По времени это движение как раз совпало с немецким бернштейнианством.

Патриарх «легального марксизма» П. Б. Струве в книге «Критические заметки по вопросу об экономическом развитии России» (1894) пытался возвеличить капитализм, затушевать основные классовые противоречия этого экономического строя. «Признаем нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму», — призвал П. Струве. Он, как отмечал Г. В. Плеханов, был «не первый и не последний провозвестник теории «притупления» противоречий между интересами пролетариата и буржуазии»¹¹⁰.

В это же время так называемые «экономисты», приносящие политическую и теоретическую борьбу, ориентировали рабочих только на борьбу «за копейку на рубль».

Против «струвизма» и «экономизма» Г. В. Плеханов

и его сподвижники развернули такую же решительную борьбу, как и против сторонников Э. Бернштейна.

Интересную оценку лидеров «легального марксизма» Туган-Барановского и Струве и отношения к ним Г. В. Плеханова оставил П. Н. Милюков: «Оба «младенца» представляли тогда переходную фазу марксистского движения, так называемый «легальный марксизм», или «ревизионизм», уже подвергшийся яростным нападениям заграничных с.-д-ков, Плеханова и Аксельрода»¹¹¹.

Едко высмеян был и Н. Бердяев, единомышленник П. Струве, предлагавший при помощи реформ «заштопать» оставшиеся феодальные дыры в капитализме, который якобы потом придет к социализму. «Если я штопаю чулки, то они останутся чулками и не превратятся в перчатки даже в том крайнем случае, когда вся их «ткань» подвергнется сплошному обновлению»¹¹². «Легальный марксизм» Струве — Бердяева Г. В. Плеханов называл пародией на настоящий марксизм.

Известно, что, находясь в сибирской ссылке и получив «Credo» С. Н. Прокоповича и Е. Д. Кусковой, В. И. Ленин и другие политические ссыльные в с. Ермаковском Минусинского уезда обсудили «Протест российских социал-демократов», написанный В. И. Лениным, и отправили его за границу к Г. В. Плеханову.

Г. В. Плеханов полностью присоединился к «Протесту» и прокомментировал его так: не верно, как утверждают авторы «Credo», что рабочий класс на Западе не участвовал в борьбе за политическую свободу и в политических революциях. История чартизма, революции 1848 г. во Франции, Германии, Австрии доказывают обратное. Прокопович и Кускова принижают значение марксизма. Между тем, марксизм связал в одно целое экономическую и политическую борьбу рабочего класса. Не верно, что марксизм переживает какой-то кризис. Авторы «Credo» взяли под защиту бернштейнианство, а это «означает попытку сузить теорию марксизма, попытку превратить революционную рабочую партию в реформистскую». Они пытаются пустить российское революционное движение «по линии наименьшего сопротивления», т. е. только по одной лишь экономической форме классовой борьбы «за правовые формы».

«Осуществление подобной программы, — констатировал Г. В. Плеханов, — было бы равносильно политическому самоубийству русской социал-демократии. Русские

социал-демократы должны объявить решительную войну всему кругу идей, нашедших себе выражение в «Credo»¹¹³.

В середине 1900 г. Г. В. Плеханову и его товарищам удалось издать сборник «Путеводитель», в предисловии к которому Георгий Валентинович решительно осудил взгляды «экономистов». В. И. Ленин, вернувшийся из ссылки и снова приехавший в Швейцарию, полностью поддержал Г. В. Плеханова¹¹⁴.

Включившись в борьбу против «экономистов» Н. М. Тахтарева, Ц. М. Гришина, Е. Д. Кусковой, С. Н. Прокоповича, руководителей «Союза русских социал-демократов», созданного в 1894 г. по инициативе самого же Г. В. Плеханова, члены группы «Освобождение труда» разрываю отношения с «Союзом». Плехановцы заявили о том, что они не разделяют их тягу только в сторону одной лишь экономической борьбы. Уже 17 сентября 1889 г. в письме к В. П. Акимову Г. В. Плеханов сообщал, что группа «Освобождение труда» прерывает товарищеские отношения с этой заграничной с.-демократической организацией¹¹⁵. В ноябре 1898 г. Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич окончательно отказались от редактирования изданий «Союза русских социал-демократов за границей» ввиду перехода большинства его членов на позиции «экономизма».

В статье «В России», опубликованной в 1901 г., Г. В. Плеханов резюмировал: «С некоторого времени у известной группы интеллигентов наблюдается тенденция ограничить деятельность рабочего класса только экономической борьбой в рамках либеральной партии. Если бы эта тенденция, российские приверженцы которой являются большими поклонниками Бернштейна и Мильерана, у нас восторжествовала, то русской социал-демократии наступил бы конец. Растворившись в буржуазной демократии, она перестала бы существовать»¹¹⁶.

В. Г. В. ПЛЕХАНОВ И В. И. ЛЕНИН. РАБОТА В «ИСКРЕ». II СЪЕЗД РСДРП

НА РУБЕЖЕ XIX и XX столетий многие страны Запада вступили в стадию империализма. В результате неравномерности экономического развития обостряются

противоречия между монополиями и целыми странами. Фактически завершается дележ рынков сырья, приложения капиталов и вывоза товаров. Идет закрепление сфер влияния между монополистическими объединениями в различных регионах земного шара.

Капиталистические предприниматели в то же время умело использовали новые результаты науки, техники, конструкторской мысли для модернизации производства, чтобы получить сверхприбыль от реализации изготовленных товаров. Часть этой прибыли и сверхприбыли они вынуждены отдать рабочим и другим трудящимся, дабы избежать крупнейших социально-экономических потрясений в своих странах.

Еще на заре XX в. Г. В. Плеханов предупреждал о нереальности стагнации производительных сил капитализма, о недопустимости его автоматического краха, что «...говорить теперь об агонии капитализма, как многие привыкли теперь выражаться, по малой мере смешно... мы не можем предвидеть всех изменений в технике и производственных отношениях, которые может нам принести будущее»¹¹⁷.

Так и в России во второй половине XIX столетия ясно обозначился промышленный бум. С огромной быстротой шло напластование новейших форм капитализма на оберегаемые царизмом архаические формы хозяйствования. И тем не менее, промышленный переворот, начавшийся во второй половине XIX в., завершается к концу этого века. На первых порах промышленный подъем дал ошеломляющие результаты.

За сорок пореформенных лет примерно в три раза увеличилось число крупных промышленных предприятий, объем промышленного производства вырос в восемь раз, протяженность стальных магистралей страны — в семь раз¹¹⁸.

В 80-е гг. возникают первые монополистические компании преимущественно в форме синдикатов и картелей. Но в целом монополистический капитализм в России приобретал лишь очаговый, а не системный характер. Налицо сосуществование остатков феодального уклада с укладом монополистического капитализма.

Усиливается влияние иностранного капитала. Если в 1856—1877 гг. в России существовало 15 иностранных компаний, в 1888—1894 гг. — 22, то в 1895—1902 гг. — уже 90¹¹⁹.